
ЗОЛОТО СТЕПИ
ТЕНИ ПРЕДКОВ. ЗОЛОТО ВЕКОВ.

Mont Agar

Золото степи: Романтическое фэнтези по мотивам истории скифов

https://litres.ru/74773242
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда горят травы, степь пахнет не дымом, а прощанием.

Дочь скифского вождя Тарга обладает редким даром — она слышит курганы. Земля говорит с ней о воде, о смерти и о тех, кто когда-то ходил по этим холмам. Когда огромная армия царя Дария вторгается в степь, отец отправляет Таргу к врагу в качестве заложницы. Это должно стать частью большого обмана.

Среди персов она встречает человека, который носит чужое имя. Курганы называют его «нашим». А она всё чаще ловит себя на том, что больше не знает, где проходит граница между своим и чужим.

Война, которой не должно было быть, заканчивается. Но другая — тихая, почти невидимая — только начинается.

«Золото степи» — романтическое фэнтези о силе, которая живёт не в мече, а в умении слушать.

Содержание

Часть первая. Заложница 5
Глава 1. Тот, кто идёт к врагу 6
Глава 2. Ложные тропы 14
Глава 3. Чужое имя 18
Глава 4. Птица, мышь, лягушка и пять стрел 23
Глава 5. Костры в пустой степи 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Mont Agar
Золото степи: Романтическое фэнтези по мотивам истории скифов

Золото степи
Романтическое фэнтези по мотивам истории скифов

Часть первая. Заложница

Глава 1. Тот, кто идёт к врагу

Когда горят травы, степь пахнет не дымом, а прощанием.

Тарга стояла на краю родного стойбища и смотрела, как её народ уходит в никуда. Повозки скрипели одна за другой, стада брели следом, и пыль поднималась к небу рыжей стеной. Позади, где ещё вчера стояли шатры, догорала сухая трава, и огонь полз по равнине медленно и сыто, как зверь, которому некуда спешить. Скифы не прощались с землёй. Они сжигали её за собой, чтобы враг, идущий по пятам, нашёл только чёрную пустоту.

Так решили вожди на большом совете у кургана. Тарга помнила тот совет до последнего слова, потому что от каждого слова зависела её судьба.

Они собрались ночью, когда жара наконец отступила. Костёр горел посреди круга, и лица старейшин казались вырезанными из тёмного дерева. Отец, Иданфирс, сидел на войлоке, не двигаясь, и огонь отражался в его седой бороде.

Первым поднялся Орик, сын отцова брата, высокий и красивый, с золотой серьгой в ухе и с голосом, который привык, чтобы его слушали.

— Мы скифы, — сказал он. — Наши отцы встречали врагов стрелами, а не бегали от них по степи. Если мы начнём жечь собственную землю, о нас скажут, что мы испугались.

— Пусть говорят, — ответил отец негромко. — Мёртвых

не хвалят, как и живых, которые проиграли.

— Мы не проиграем!

— Дарий ведёт войско, какого степь ещё не видела, — сказал отец, и голос его был ровным, как лезвие. — Людей в нём больше, чем травинок на твоём пастбище, Орик. Мы не станем сражаться, пока он силён. Мы будем отступать, пока он не ослабеет. Он будет идти за нами по выжженной земле без воды и без корма, и каждый день его армия будет терять по сотне людей, а мы не потеряем ни одного. Но чтобы он не понял этого раньше времени, ему нужно показать, что мы ищем мира. Для этого нам нужен тот, кто пойдёт к нему сам.

Орик усмехнулся:

— Отправь меня. Я скажу ему всё, что нужно.

— Ты слишком похож на воина. — Отец покачал головой. — Дарий поймёт, что ты лжёшь, едва увидит твои руки.

Он повернул голову, и Тарга, сидевшая у самого края круга среди женщин, почувствовала на себе его взгляд.

Все посмотрели на неё. Она не удивилась. Она давно знала, что рано или поздно её дар обернётся платой.

— Дочь? — Орик вскочил. — Ты отдашь персам собственную дочь?

— Именно поэтому они поверят, — сказал отец. — Никто не отдаёт самое дорогое тому, кого собирается обмануть.

Тарга встала. Колени её дрожали, но голос не дрогнул:

— Я пойду.

Позже, когда совет разошёлся, она пошла к жрице.

Старуха Аргата жила в маленьком шатре на краю стойбища, и в нём всегда пахло полынью и дымом. Она сидела у огня и перебирала в руках сухие стебли. Она не подняла головы, когда Тарга вошла.

— Значит, пойдёшь, — сказала она.

— Пойду.

— Боишься?

— Да.

— Это хорошо. Кто не боится, тот глупец. — Аргата наконец подняла глаза, мутные, как молоко. — Помнишь, что я говорила тебе про курганы?

Тарга помнила. Дар появился у неё в семь лет, когда она приложила ладонь к склону старого кургана и услышала внутри глухой далёкий гул, похожий на дыхание спящего зверя. Старуха тогда побледнела и велела никому не рассказывать. Курганы не говорят с живыми, так учили предки. Но с Таргой они говорили. Они шептали ей, где зарыта вода, где прошло чужое войско и где лучше не ставить шатёр.

— Курганы скажут тебе правду, — продолжила Аргата. — Но не всю и не всегда. Ты должна научиться слышать не только слова, но и то, что за ними. А ещё запомни: земля помнит всех, кто на ней жил, а не только нас. Там, куда ты идёшь, тоже есть могилы. Не бойся их.

— Они будут говорить со мной на чужой земле?

— Земля не знает, где чужая, а где своя. Это знаем только мы.

Утром отец сам вывел её из шатра. Лагерь уже сворачивался, женщины грузили повозки, дети сидели на войлоке и молча смотрели на огонь вдали. Отец молчал долго. Потом достал из-за пояса маленькую золотую бляшку в виде оленя с запрокинутой головой и вложил ей в ладонь.

— Зашей в рубаху, — сказал он. — Это золото нашего рода. Оно вернётся, если вернёшься ты.

— А если нет?

— Тогда оно останется там, где ты упадёшь, и степь запомнит это место.

Он не обнял её. Скифы не обнимаются на прощание. Он только коснулся её лба сухими горячими пальцами и отвернулся.

Теперь она шла по выжженной траве к персидскому лагерю, и на ней была лучшая одежда: красная шерстяная рубаха, расшитая золотыми бляшками, пояс с бронзовой пряжкой и длинная коса, перевязанная кожаным шнуром. Позади никого не было. Так было нужно. Заложница не должна выглядеть так, будто за ней стоит целое племя.

К полудню она увидела лагерь Дария.

Он раскинулся на холмах, как второй город. Тысячи шатров, дымы костров, ржание коней, чужая гортанная речь. Над всем этим висело облако пыли, и сквозь него проглядывали знамёна с золотыми крылатыми дисками. Тарга остановилась на вершине холма и несколько мгновений просто смотрела. Она никогда не видела так много людей сразу и

даже представить не могла, что они бывают в таком количестве.

Её заметили издалека. Двое всадников подскакали к ней, и один из них вскинул копьё.

— Я дочь вождя, — сказала она на их языке. Отец заставил её выучить его ещё в детстве, пригласив для этого пленного купца, и теперь она благодарила его за это. — Я пришла говорить с вашим царём.

Всадники переглянулись. Один засмеялся, но второй, постарше, поднял руку.

— Едем. Пусть решают те, кто выше нас.

Её не связали и не отняли нож. Это показалось Тарге странным и тревожным. Её провели через лагерь, мимо воинов в чешуйчатых доспехах и мимо костров, где жарили мясо. Люди смотрели на неё с любопытством, без злобы. Какой-то мальчишка-оруженосец присвистнул, и его тут же одёрнули. Она шла, не опуская головы, и считала шатры, телеги, коней. Отец ждал от неё не только слов.

Шатёр, к которому её привели, не был царским. Он стоял чуть в стороне, и его полог был сшит из тёмно-синей ткани, на которой серебром вышиты крылатые солнца. У входа стояли двое стражников с копьями, неподвижные, как столбы.

— Здесь живёт Арташир, сын царского рода, — сказал старший всадник. — Он командует правым крылом. Говори с ним.

Полог откинулся, и Тарга вошла.

Внутри было светло от множества светильников. На ковре лежали карты, выложенные кожей и тонкими деревянными брусками, и над ними склонился человек. Он был молод, высок и очень сух в движениях, словно всё лишнее в нём давно сгорело. Тёмные волосы были коротко острижены, а глаза, когда он поднял их, оказались серыми и холодными.

— Ты говоришь на нашем языке, — сказал он вместо приветствия.

— Меня научил отец.

— Ваш вождь хитёр. Он отправляет к врагу собственную дочь и думает, что мы не поймём зачем.

Тарга выпрямилась.

— Он отправляет меня, чтобы вы не думали, будто мы бежим. Мы не бежим. Мы ищем место, где можно говорить о мире.

— Ищете место, — повторил Арташир, и в уголке его рта мелькнуло что-то похожее на усмешку. — Вы сжигаете за собой степь. Это очень странный способ искать.

Она промолчала. Он обошёл карту и остановился напротив неё. Теперь она видела шрам над его бровью, тонкий и белый, и тень усталости под глазами. Он был врагом, но не казался чудовищем.

— Как тебя зовут?

— Тарга.

— Это значит «вода», если я не ошибаюсь.

— Это значит «та, что находит воду».

Он долго смотрел на неё.

— Полезное умение в степи, где вода стала редкостью. Хорошо. Ты останешься в моём лагере, будешь жить под охраной и ходить, где я позволю. Если скифы нападут, твоя жизнь станет залогом.

— А если вы нападёте на них?

— Тогда твоя жизнь станет залогом их осторожности.

Она почувствовала, как в груди поднимается злость, и тут же погасила её. Отец учил: гнев на чужой земле ведёт в могилу.

Вечером ей отвели маленький шатёр неподалёку от его собственного. Внутри лежали шкуры и стоял кувшин с водой. Когда стражник ушёл, Тарга долго сидела неподвижно, слушая чужой лагерь. Он гудел, как улей: звякало железо, где-то пели, где-то ссорились. Потом она опустилась на колени и коснулась ладонью земли.

Земля была чужой. Но под ней, очень глубоко, что-то отозвалось. Гул. Далёкий, тяжёлый. Гул древнего кургана, который не принадлежал ни скифам, ни персам.

Она замерла. Курганы говорили ей о многом, но никогда ещё не говорили так громко, как здесь, в самом сердце вражеского лагеря. Шёпот складывался в слова:

«Не верь тому, кто носит чужое имя».

Тарга отдёрнула руку. Сердце колотилось. Она оглянулась на вход, на тёмную стену шатра, на кувшин с водой, в котором дрожал отражённый огонёк.

Затем она медленно улыбнулась. Если враг скрывает тайну, значит, у неё появилось преимущество.

Она ещё не знала, что эта тайна опаснее любой армии.

Глава 2. Ложные тропы

Первые дни в лагере Дария прошли как во сне.

Тарга просыпалась на рассвете от звука труб и долго лежала, глядя на дымовое отверстие в потолке шатра. Потом приходил стражник с лепёшкой и чашей кислого молока, и ей позволялось выйти. Она ходила между шатрами, и никто её не трогал. Персы смотрели на неё с любопытством, но без вражды, и это пугало её сильнее ударов. Она готовилась к ненависти, а встретила вежливость.

Особенно ей запомнился старый сотник по имени Багаб. Это был невысокий кряжистый человек с седой бородой и с лицом, которое словно задубело на солнце. Однажды он остановил её у костра и молча протянул горячую лепёшку. Она растерялась.

— Бери, — сказал он на ломаном скифском. — Худая ты. В заложницах нельзя худеть, это дурной знак.

Она взяла. Лепёшка была тёплой и пахла дымом. Тарга вдруг вспомнила, как мать пекла такие же когда-то, и поспешно отвернулась, чтобы старик не увидел её лица.

Она не хотела видеть в них людей. Так было бы проще.

На третий день Арташир позвал её к картам.

— Покажи, где вода, — сказал он, не поднимая головы.

Тарга склонилась над кожей, на которой умелые руки нарисовали реки, холмы и чёрные точки колодцев. Она узна-

ла изгиб большой реки, которую её народ называл Борисфеном, и дорогу к солёным озёрам. Почти все точки колодцев были неверны. Она поняла это сразу. Персы шли по следам скифов и по слухам, а степь не любит слухов.

Утром, пока Арташир не видел, она прижала ладонь к земле у входа в шатёр. Далеко внизу курган шептал, и шёпот был похож на чужую песню:

«На север — солёная пустошь. На запад — три колодца. На восток — кровь и пыль».

Отец велел одно: вести врага на север, подальше от воды, туда, где нет ни трав, ни колодцев.

— Здесь, — сказала она теперь и положила палец на карту. — Две ночи пути. Там озеро.

Озера там не было. Была солёная пустошь, где вода горчила так, что от неё болели дёсны, а земля трескалась на жаре, как старая шкура.

Арташир посмотрел на её палец, потом на неё. Он ничего не сказал. Но на следующий день он отправил к тому месту разведчиков, а ей приказал ехать Вместе с ними.

Это была проверка. Тарга поняла это, когда ветер принёс первый запах соли. Она ехала в седле, глядя перед собой, и считала удары сердца. Если разведчики найдут воду, значит, она ошиблась. Если не найдут, значит, она солгала.

Сухая трава шуршала под копытами. Над головой повисло белое от зноя небо. Один из разведчиков запел что-то протяжное, и остальные подхватили. Тарга слушала и думала о

том, что если её хитрость раскроется, эти же голоса будут спокойно решать, что с ней делать.

— Колодец, — вдруг сказала она. — Там, за холмом.

Никто не спросил, откуда она знает. Курган шептал ей это всю дорогу, тихо и настойчиво, как подсказывают ребёнку забытое слово.

За холмом, на дне сухой балки, действительно нашёлся колодец, узкий, обложенный камнем, с холодной водой. Разведчики напоили коней и спустили наверх меха. Они смеялись и хлопали друг друга по плечам, и один из них даже поклонился Тарге, прижав руку к груди. Озера они не нашли, но Тарга объяснила, что оно пересохло этим летом. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

Арташир выслушал доклад и кивнул.

— Такое бывает.

Он поверил, а может быть, сделал вид, что поверил. Она не могла понять, что хуже.

Через пять дней армия Дария двинулась на север. Тарга ехала рядом с Арташиром. Он редко говорил с ней в пути, но по вечерам, когда лагерь разбивали, приглашал в шатёр, и они подолгу сидели над картами. Он учил её читать их, показывал значки, которыми персы отмечали дороги и броды, рассказывал, какие страны лежат за морем. Она, в свою очередь, называла ему травы: полынь, ковыль, степной тимьян, горький чабрец. Он повторял названия, неловко, запинаясь, и в такие минуты казался просто усталым человеком, далё-

ким от дома.

Однажды он спросил:

— Почему твой народ не строит городов?

— Зачем? — Она удивилась. — Степь не нуждается в стенах. Она сама защищает тех, кто умеет её слушать.

— А тех, кто не умеет?

Она посмотрела на него.

— Съедает.

Он негромко рассмеялся, и этот звук, сухой и неожиданный, как треск ветки, почему-то остался в ней надолго.

Это были мирные разговоры, и они пугали её сильнее любого допроса. По ночам она лежала в шатре, слушала ровное дыхание спящего лагеря и спрашивала себя, как случилось, что она научилась различать шаги Арташира среди сотен других. Она напоминала себе, что он враг, что её отец ждёт вестей, что за каждый её шаг заплатят её люди. И всё же ей казалось, что она идёт по тонкому льду, и лёд с каждым днём трещит всё громче.

Глава 3. Чужое имя

Жара не спадала десять дней. Реки, о которых говорили карты, оказывались сухими руслами, трава шуршала под копытами, как пергамент, а кони начали падать. Персы стали молчаливее. Даже песни у их костров звучали глухо, словно люди пели сквозь песок.

Тарга видела это и делала вид, что не видит. Она говорила себе, что именно этого и хотел отец. Ослабить врага, довести его до края, заставить повернуть. Но однажды утром она прошла мимо лазарета и увидела, как молодой воин, почти мальчик, лежит на попоне и водит пересохшим языком по губам. Рядом сидел Багаб и держал над ним мех, из которого уже ничего не капало.

Тарга остановилась.

— Что с ним?

— Жар и жажда, — ответил старик, не поворачивая головы. — У нас воды осталось на четыре дня, и то если не поить коней.

Она хотела уйти. Она сделала шаг. Потом остановилась и, не оглядываясь, сказала:

— Три часа пути к западу, за красной скалой, есть ручей. Он мал, но воды в нём хватит, чтобы напоить отряд.

Багаб поднял на неё глаза. В них не было удивления.

— Спасибо, дочка.

Она не нашла что ответить. Она ушла, злая на себя, и всю дорогу до шатра твердила, что просто спасла одного человека, а не армию, что ручей слишком мал, что отец поймёт.

Она не знала, что на самом деле скажет отец. Но ночью ей не спалось.

Она выскользнула из шатра и пошла к невысокому кургану на краю лагеря. Часовые видели её, но не остановили: за эти дни они привыкли считать её частью ночи. Луна висела над степью узкая и острая, как серп, и трава была серебряной.

Она села у подножия, положила ладони на землю, и курган ответил. Он был стар, намного старше скифов, и говорил медленно, словно складывал слова из камней. Она не могла разобрать их, слышала только низкий гул, похожий на дыхание.

— Ты не спишь, — сказал голос позади неё.

Арташир стоял в темноте. Она не слышала его шагов.

— Я прислушиваюсь, — ответила она. Это была почти правда.

Он сел рядом, не касаясь земли, и некоторое время они молчали. Ветер шевелил траву. Где-то вдалеке вскрикнула ночная птица.

— Моя мать тоже сидела по ночам у могил, — сказал он вдруг. — Она была из народа саков. Её привезли в дом моего отца пленницей, и до конца жизни она так и не научилась улыбаться по-персидски.

Тарга затаила дыхание. Саки были дальними родичами скифов, их языки и обычаи походили друг на друга, как две ветви одного дерева.

— Она пела мне, — продолжал он. — Старые песни, которые нельзя было петь вслух. Я не понимал слов, только помнил мелодию, низкую, тянущуюся, как дорога через степь. И она звала меня другим именем. Рагой. На её языке это значит «тот, кто возвращается». Когда мне исполнилось семь лет, отец дал мне имя Арташир. Это имя я ношу при дворе. А то, другое, ношу в себе.

Он говорил ровно, без жалости к себе, и от этого каждое слово звучало тяжелее. Тарга молчала. Ладони её всё ещё лежали на земле. И курган, до сих пор говоривший только о воде и дорогах, вдруг заговорил громко и ясно:

«Он наш. Он наш. Он наш». В гуле было что-то ещё — не слова, а ощущение, будто два голоса на мгновение совпали и зазвучали в унисон. Она не поняла тогда, что это значит. Поняла только гораздо позже.

Она отдёрнула руки.

— Что с тобой? — спросил Арташир.

— Ничего. — Голос её дрожал. — Мне пора.

— Тарга. — Он не встал, но смотрел на неё снизу вверх, и в серых глазах не было холода. — Я знаю, что ты ведёшь нас по ложным тропам. Знаю с того дня, как ты показала мне озеро, которого нет.

Она закрыла глаза. Вот и всё.

— Почему ты ничего не сказал?

— Хотел узнать, чья ты: их или своя. — Он помолчал. — Теперь мне кажется, что и то и другое.

— А ручей? — спросила она тихо. — Багаб рассказал тебе про ручей?

— Рассказал. — Уголок его рта дрогнул. — Человек, который хочет погубить армию, не показывает, где вода. Я подумал, что ты, может быть, не так хорошо умеешь ненавидеть, как тебе велели.

Она хотела возразить, но слов не нашлось. Она вспомнила первую ночь и шёпот: «Не верь тому, кто носит чужое имя». Потом вспомнила нынешний: «Он наш». Теперь у неё было два предупреждения от одной земли, и они спорили друг с другом.

— Я не знаю, чему верить, — сказала она вслух, и это было первой честной фразой, которую она произнесла в этом лагере.

— Я тоже, — ответил он. — Ни себе, ни отцу, ни собственным снам. Я полжизни был сыном царского рода, а сегодня ночью понял, что не знаю, кто я такой.

Он поднялся, отряхнул плащ и протянул ей руку. Она колебалась всего мгновение. Его ладонь была сухой и тёплой, мозолистой от рукояти меча. Он помог ей встать и не сразу отпустил.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра будет жарко.

Она пошла к шатру и ни разу не оглянулась. Но когда она

легла на шкуры и закрыла глаза, ей всё ещё казалось, что за её спиной гудит тихий, глубокий голос земли, называющей чужого человека своим.

Она не знала, чему верить. Но впервые за много дней она не хотела уходить.

Глава 4. Птица, мышь, лягушка и пять стрел

На шестнадцатый день пути к лагерю подъехал одинокий скиф.

Тарга увидела его случайно, когда вышла к водопою за мехом для Багаба. Всадник появился на гребне холма, чёрный на фоне белого неба, и несколько мгновений стоял неподвижно, словно давал себя рассмотреть. Конь под ним был не персидский, невысокий, лохматый, из тех, что пасутся в степи всю зиму и не знают конюшен. Всадник не поднял лука и не вскинул копья. Он спустился по склону шагом, остановился перед стражей и бросил к её ногам кожаный мешок.

Потом развернул коня и умчался, прежде чем кто-нибудь успел крикнуть.

Тарга не видела его лица, но узнала посадку. Так сидел в седле только один человек в отцовском стане. Это был Скил, старый дозорный, который двадцать лет водил отряды по степи и не терял ни одного человека.

Стража не сразу решилась открыть мешок. Его осторожно вытряхнули на землю, и все отступили на шаг.

Из мешка выпали птица, мышь, лягушка и пять стрел.

Птица ещё билась, мышь пищала, лягушка медленно ползла по пыли. Стрелы лежали крест-накрест, и их опере-

ние было окрашено в чёрный цвет, цвет скифских погребальных костров.

Арташир подошёл так тихо, что Тарга вздрогнула. Он долго смотрел на дар и ничего не говорил.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил он наконец.

Она знала. Отец рассказал ей об этом ещё до ухода, но велел молчать. Она опустила глаза.

— Не знаю.

Он не стал спорить. Только кивнул и пошёл к царскому шатру, и мешок понесли следом.

Царский совет собрался немедленно. Тарга сначала не хотела идти, но Арташир сказал коротко: «Ты нужна», и ей пришлось подчиниться. Она встала у стены шатра за его плечом и принялась рассматривать пол.

Дарий сидел на низком троне, и лицо его было спокойно, как вода в закрытом колодце. Это был крепкий человек лет пятидесяти, с густой завитой бородой и с цепким взглядом, от которого трудно было спрятаться. Он перебирал пальцами золотую цепь на груди и слушал советников, не перебивая.

Советники говорили долго. Они спорили, как торговцы на базаре, вполголоса, чтобы не потерять достоинства. Наконец царь поднял руку, и все смолкли.

— Мышь живёт в земле, — рассудил он, — лягушка живёт в воде. Птица быстра, как конь. А стрелы — это скифская мощь. Скифы дарят мне землю и воду и складывают оружие к моим ногам. Они покорились.

Советники закивали. Это было красивое толкование, и царю оно нравилось. Усталым людям легко поверить в то, что позволяет вернуться домой с победой.

Тарга почувствовала, как у неё холодеют пальцы. Она видела лица воинов, которые уже не первую неделю шли по безводной степи. Она видела ввалившиеся щёки, потрескавшиеся губы, пустые взгляды. Они хотели поверить. Они хотели, чтобы это была победа.

Молчал только один человек: седобородый Гобрий, сидевший у самого входа. Он был тих и сдержан, и все давно привыкли не замечать его, пока он не начинал говорить. Когда царь повернулся к нему, он ответил негромко:

— Государь, я понимаю этот дар иначе. Если мы не станем птицами и не улетим в небо, не станем мышами и не уйдём под землю, не станем лягушками и не прыгнем в болото, то нас поразят эти стрелы. Скифы не сдаются. Они предупреждают нас.

В шатре стало тихо. Было слышно, как потрескивает масло в светильниках. Царь побледнел, но не поверил. Он слишком долго шёл за этой победой, чтобы отказаться от неё из-за толкования одного старика.

Он повернулся к Тарге.

— Ты дочь их вождя. Подойди.

Она подошла. Ноги шли сами, словно кто-то вёл её за верёвку.

— Кто из нас прав?

Тарга почувствовала, как шатёр сжимается вокруг неё. Отец велел: пусть остаются. Пусть думают, что победили. Каждый лишний день в выжженной степи ослаблял чужую армию, и этим можно было спасти её народ. Она знала это. Она помнила слова отца у костра: «Он будет идти за нами по выжженной земле без воды и без корма».

Она знала и другое. За стенами шатра, на холмах, тысячи молодых людей умрут от жажды в чужой степи ради чужой гордости. Среди них будет мальчик, которого она видела в лазарете. Будет Багаб, который протянул ей лепёшку.

И будет Арташир.

Она повернула голову. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было просьбы. Он не умолял и не требовал. Он просто ждал, и это ожидание оказалось тяжелее любого приказа.

— Гобрий прав, — сказала она.

Слова упали в тишину, как камни в колодец. Кто-то из советников резко вдохнул. Царь долго смотрел на неё, и его пальцы застыли на золотой цепи.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросил он очень тихо. — Ты только что назвала собственный народ врагом перед лицом их врага.

— Я назвала правду, государь. Мой народ не враг вам. Он просто хочет, чтобы вы ушли.

Царь откинулся на спинку трона.

— Выйдите все, — сказал он.

Совет разошёлся молча. Тарга шла между советниками, и

они расступались перед ней, не глядя в лицо. У выхода её нагнал Арташир.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — спросил он вполголоса.

— Нет, — призналась она. — Но я не смогла иначе.

Он помолчал.

— Спасибо.

Ночью она долго не могла уснуть. Она вышла к знакомому кургану, села на землю и прижала ладонь к траве. Курган молчал. Впервые за много дней он не сказал ей ни слова. Тарга не знала, было ли это одобрением или приговором, и это молчание пугало её больше, чем любой голос.

Глава 5. Костры в пустой степи

Дарий не объявил об отступлении. Он принял решение той же ночью и сообщил о нём только тем, кому доверял.

Тарга узнала об этом на рассвете, когда Арташир сам пришёл в её шатёр. Он не постучал, как обычно, и не стал ждать разрешения. Он вошёл и остановился у полога. Лицо его было серым от бессонницы.

— Армия уходит к реке, — сказал он без вступления. — Сегодня ночью. Но уходит тихо. Мы оставим горящие костры и привяжем ослов, чтобы они ревели до рассвета. Скифы услышат шум и подумают, что мы всё ещё здесь. А больных и тех, кто не может идти, придётся оставить. Я останусь с отрядом прикрывать отход.

Тарга смотрела на него и понимала, что он только что доверил ей двенадцать тысяч жизней. Одно её слово отцу, и утром в пустом лагере персов встретят только ветер, брошенные телеги и стрелы.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты сказала правду на совете. — Он помолчал. — И потому что не хочу, чтобы ты узнала об этом от чужих.

Она долго молчала. За стенами шатра слышался приглушённый шум: кто-то собирал вещи, кто-то тихо ругался, звякала упряжь. Лагерь делал вид, что спит.

— Багаб, — сказала она наконец. — Он идёт с армией?

— Он остаётся со мной.

— Тогда мне нужен конь.

Он не спросил зачем. Он сам вышел и привёл ей коня, невысокого рыжего жеребца с белой звёздочкой на лбу.

— Он быстр, — сказал Арташир, подавая ей повод. — И не боится темноты.

Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Она поспешно отдёрнула руку.

— Тарга, — сказал он ей вслед. — Что бы ты ни решила, я пойму.

Она не ответила.

Курганы вели её сквозь ночь. Они шептали ей, где обойти овраг и где нет сторожей, и ей казалось, что вся степь расступается, чтобы пропустить её. Жеребец шёл ровно, не спотыкаясь, а звёзды над головой стояли так низко, что хотелось протянуть руку. Она думала о том, что скажет отцу, и не находила слов. Все слова казались ей одновременно и правдой, и предательством.

К рассвету она увидела костры скифского стана. Он стоял в лощине, спрятанный от ветра, и над ним поднимались мирные дымки. Сторожевой отряд встретил её на подходах. Люди глядели на неё широко раскрытыми глазами, словно видели привидение.

Отец ждал её у шатра. Он был в боевом доспехе и стоял неподвижно, как скала. Рядом с ним, чуть позади, стоял

Орик, и на его красивом лице не было ни радости, ни облегчения.

— Ты вернулась, — сказал отец.

— Они уходят, отец. Сегодня ночью. Оставили костры и ослов, чтобы мы не поняли.

Лицо его не изменилось, но в глазах вспыхнул огонь.

— Тогда мы ударим на рассвете и не оставим от них ничего.

— Нет.

Тарга сама удивилась твёрдости своего голоса.

— Они уже побеждены. Они уходят по выжженной земле без воды и без надежды. Если ты ударишь теперь, ты не получишь победы, ты получишь только кровь. Пусть уходят. Пусть расскажут, что бывает с теми, кто идёт в нашу степь.

— Она говорит как они, — негромко произнёс Орик. — Вождь, она провела в их лагере три недели. Кто знает, что они ей нашептали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.